

86.38
524

**ДНЕВНИК ВОЛЬНОСЛУШАТЕЛЯ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
БАЗАРА БАРАДИНА
ПО БУРЯТСКИМ ДАЦАНАМ
(1903-1904 гг.)**

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
Дневник поездки, совершенной летом 1903 г. вольнослушателем С[АНКТ]-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Б. БАРАДИНЫМ В ЗАБАЙКАЛЬСКУЮ ОБЛАСТЬ ПО ПОРУЧЕНИЮ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК ДЛЯ СОБИРАНИЯ МАТЕРИАЛА ПО БУДДИЙСКОЙ ИКОНОГРАФИИ	13
Гусиноозерский дацан	14
Ацагатский дацан	24
Анинский дацан	32
Эгитуйский дацан	36
Агинский дацан	39
Описание монастырской жизни в Агинском дацане во время Яр и Хайлан'а (1½ м.)	55
Цугольский дацан	65
Дневник Бадзара Барадийна, командированного Русским Комитетом для изучения Средней и Восточной Азии в Забайкалье 1904 г. 8 июля – 5 сентября. Описание главных храмов в Цугольском и Агинском монастырях	81
Цугольский дацан	82
Агинский дацан	99
Цугольский дацан	118
Агинский дацан. Описание Цокченского (главного) храма	136
Указатель	176
Литература	180
Комментарии	183

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучение буддийских дацанов этнической Бурятии имеет значение не только для правовой охраны, изучения и популяризации культурного наследия народов Бурятии, но и для использования в современных формах культурной деятельности.

Введение в научный оборот наследия буддийской культуры имеет два аспекта: во-первых, достижения элитарной профессиональной культуры буддизма вошли в исторический фонд культуры человечества. Результаты исследований древней и средневековой науки являются историческим интеллектуальным капиталом нации, изучение которого служит познанию культуры народов Востока, сохранению исторической памяти народа и суверенности национального самосознания. С другой стороны, освоение наследия духовной культуры народов Азии изменило традиционный этнический менталитет бурятского народа. Познание процесса массовой адаптации буддийской культуры, выявление тех ценностей буддийской культуры, которые вошли в массовое сознание, стали актуальными для социальных и духовных потребностей рядовых бурят полезны для организации работы просветительных, учебных и культурных учреждений Бурятской республики.

В культуре Бурятии, связанной с буддийской религией, остается много неизученных явлений, несмотря на многолетние системные исследования различных сторон бурятской буддийской конфессии. Кроме того, памятники буддийской культуры Бурятии не сохранились в репрезентативной полноте. Из 46 дацанов иркутских и забайкальских бурят осталось только три дацана – Гусино-озерский, Агинский, Цугольский, которые являются памятниками культового зодчества бурят. В конце 1980-х гг. XX в. буддийская церковь в России возобновила свою деятельность как организационная структура. Становятся актуальными исследования, восполняющие пробел в освещении истории развития и становления памятников буддийского зодчества в разных регионах расселения бурят. Между тем, как показывает знакомство с историографией проблемы, необходимым условием успешного изучения истории

буддийской церкви в России является расширение источниковой базы исследования. Оно должно происходить за счет вовлечения в научный оборот документальных материалов архивов органов государственного и церковного управления, которые до сих пор используются в очень незначительном объеме. Известно, что архивы бурятских дацанов полностью уничтожены. В связи с этим представляется вполне закономерным обращение к изучению документов, хранящихся в государственных, научных и ведомственных архивах.

В архиве Рукописного отдела Института восточных рукописей РАН находятся оригиналы дневников Базар Барадина, написанных им в 1903-1904 гг., когда Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии командировал Барадина в Забайкалье для изучения буддийской иконографии и жизни дацанов.

Ведение в научный оборот неопубликованных дневников Базар Барадина по бурятским дацанам, выявленные в них материалы представляются ценной составляющей монастырских комплексов Бурятии, утраченных в 30-е гг. XX в. Они представляют безусловный интерес не только подробным воссозданием повседневных реалий монастырей – центров буддийской учености, но и продуманностью структуры изложения. Они также дают возможность проследить зарождение научных идей, мыслей, которые впоследствии вылились, на наш взгляд, в важнейшие обобщения и научные труды, такие как «Буддийские монастыри»; 1992; «Беседы буддийских монахов», 1925.; «Путешествие в Лавран: буддийский монастырь в северо-восточной окраине Тибета в 1905-1807 гг.», 1908; «Статуя Майтреи в Золотом храме в Лавране», 1924.

Занятие Б. Барадина, когда объектом его специального научного исследования является изучение бурятских дацанов – одно из не освещенных сторон его деятельности. Она составляет лишь небольшой эпизод его работы, однако он важен тем, что именно в эти годы Б. Барадин сумел ознакомиться на практике с «внутренней» жизнью в дацанах, что позволило ему осуществить поездку в Тибет и описать жизнь в тангутском монастыре Лавран уже с усвоенными навыками, привычками и научными традициями.

Первые три тетради, датированные периодом от 5 июля по 22 августа 1903 г., представляют «Дневникъ поездки, совершенной летомъ 1903 г. вольнослушателемъ С[анкт]-Петербургскаго Университета Б. Барадинымъ въ Забайкальскую область по порученію Императорской Академіи наукъ для собиранія матеріала по буддійской иконографии». Первая тетрадь включает листы с 1 по 70, вторая тетрадь начинается с нумерации 71 и заканчивается 116 листом, третья тетрадь включает листы 117-167 (фонд 87, оп. 1, ед. хр. 26).

Своеобразие этих дневников – это отражение действительности, регулярная синхронная фиксация монастырской деятельности. Скрупулезные, ежедневные записи Б. Барадина (каждая запись дневника, кроме дополнительного, датирована, указано место, где она сделана) позволяют не только детально воспроизвести маршрут, но и проникнуться той атмосферой напряженной работы ученого, которая проходила в полевых условиях.

Написанный простым и доступным языком его дневниковый отчет 1903 г. содержит изложение конкретных сведений истории строительства дацанов, подробное описание их внешнего и внутреннего вида, убранства храмов, внутренней структуры и организации. Приведены данные о богословских школах, наличии типографий (в том числе технике и процессу ксилографирования), указаны перечень книг (изданных при дацанах), немаловажны сведения о количестве ламских домов, численности духовенства и хуваракон (в некоторых случаях – биографии ширетуев, хубилганов-перерожденцев).

Исследуя буддийскую иконографию, Б. Барадин обращается к истории буддийских догматов, вникает в их осмысление и исследование: «Сегодня утром условились с учителем окончить Сиданту в один урок, поэтому я отправился к нему пораньше, и наше занятие продолжалось долго, непрерывно, до самого обеда. Я остался очень довольным своим занятием по буддизму во время своего кратковременного пребывания в этом дацане. Во многом нашел объяснения различных философских вопросов буддизма, которые для меня раньше были малопонятны. Мой учитель так пре-

красно объяснял и [я] удивлялся его ученостью, что я ему, как и раньше, приношу свою беспредельную признательность. Он с искренней заботливостью снабжал меня на далекий путь своими глубокими познаниями» (с. 120-121).

Бесценные наблюдения автора, зафиксированные в дневнике, позволяют составить глубокие представления об иконописных школах Тибета, Монголии, бурятской технике рисования и литья скульптур. Кроме того, Б. Барадин свое изучение монастырских комплексов совмещает с освоением разговорного тибетского языка. Осуществляя перевод некоторых тибетских сочинений, дает подробные данные и описания о буддийских рукописях и ксилографах по иконографии, приводит список сочинений со своими комментариями известных буддийских деятелей. Например, сообщает, что лучшим источником по вопросу изучения лхасских святынь являлось сочинение V Далай Ламы (с. 94), что лучшим руководством иконописцев являлся комментарий Сумба Хамбы на базовый текст по рисованию (с. 21). Описывает как каталоги книг библиотек Агинского и Цугольского дацанов, так и каталоги библиотек лам (в том числе ганжирвы-гэгэна Д. Норбоева) и т.п.

Но не все записи дневника Б. Барадина имеют вид поденных заметок по буддийской иконографии. Некоторые части дневника позволяют проследить уникальность зафиксированных встреч в пути, дорожные впечатления, тем самым дает возможность уловить элементы «научного быта» ученого. Например, Б. Барадин описывает репетицию религиозной мистерии Цам, которая являлась неотъемлемым атрибутом религиозного праздника Майдари (с. 4); интересна его запись встречи с известным писателем, бурятским филологом-монголистом и тибетологом Р. Номтоевым (с. 30), где изложена краткая биография последнего, что само по себе является ценным источником к жизненной повседневности Р. Номтоева.

В дневниках Б. Барадина редко встречаются записи о душевных переживаниях, эмоциональном настрое автора дневника. Вместе с тем, есть дневниковые заметки, где он делится своими личными впечатлениями. К таким исключениям должно отнести с. 110-111:

«Эти мысли и то обстоятельство, что я, мирянин и хожу теперь один особняком от философствующих чтецов, поразили меня захватывающим образом: сразу мои мысли обратились с требованием отчета к моей жизни. Выполнил ли сколько-нибудь той высшей задачи жизни, которую я, по своему разумению, считаю наивысшей и возможной и которая должна быть таковой всем без различия существам? Ответ был: «нисколько», и я, сознав себя самым жалким существом и одним из бесчисленных обитателей мира сего, удел которых до сего времени был весьма определен: «родился, жил безотчетно и умер неожиданно для себя». Я занятый такими горькими мыслями, повсюду встречая таких чтецов, незаметно для себя добрался до своего дома». Таких заметок, впрочем, весьма мало.

Второй «Дневникъ Бадзара Барадийна, командированного Русским Комитетом для изученія Средней и Восточной Азии въ Забайкалье. 1904 г. 8 июля - 5 сентября» (фонд 87, оп. 1, ед. хр. 27) состоит из трех тетрадей. Первая тетрадь включает листы с 1 по 90 (фонд 87, оп. 1, ед. хр. 27). Дополнительные тетради (без датировки) «Описаніе главных храмов Цугальском и Агинском монастырях 1904 г.» включает листы с 1 по 87 (фонд 87, оп. 1, ед. хр. 1) и «Планы Цугальского и Агинского храмов. 16 августа 1904 г.» состоят из 19 планов (фонд 87, оп. 1, ед. хр. 2).

Первые две дневниковые записи содержат более подробные сведения о Цугольском и Агинском дацанах. Диахронное разнообразие источников позволяет сделать относительно репрезентативные выводы о деятельности агинских дацанов как центров буддийской культуры. В тексте дневника Б. Барадина за 1904 г. необходимо отметить анализ книг по буддизму, иконографии и выводы автора, где присутствует профессиональная оценка историка-религиоведа, свидетельствующая об особом научно-аналитическом характере его исследований. При этом необходимо отметить, что в его дневнике присутствуют личные суждения, впечатления о тех людях, с которыми ему удалось общаться, и о тех странах, которые он изучал. Например, заметки о политическом положении: «в то время было в Тибете спокойно, по крайней

мере, в Лхасе. Но, тем не менее, по его словам, в Тибете шли большие толки о приближении пилинов, т.е. англичан, о вступлении их в пределы Тибета. В то время ему неизвестно, чтоб тибетцы что-либо предпринимали против англичан, только ограничивались созывом в Лхасу гуртынов *sku rten* (чойджинов) числом до 70 человек. Они будто предсказали, что никакой опасности для веры нет и т.п. Вот и все, что знал он о Тибете в момент своего выезда оттуда. Да еще он виделся с Агваном Доржиевым, только что прибывшим в Лхасу из Забайкалья» (с. 20-21).

Анализ этих документов позволяет систематизировать данные об имущественном состоянии дацанов и раскрыть важные аспекты внутренней жизни буддийских общин.

С исторической точки зрения значимый историографический аспект представляют описание главных храмов в Цугольском и Агинском монастырях, определяющие характер культовой деятельности дацанов, структуру, обрядовую специализацию и раскрывающие особенности культовой системы агинской конфессии. Подробное описание Б. Барадина внешнего вида и внутреннего убранства дацанского комплекса, малых его архитектурных форм дает возможность детально проанализировать соотношение архитектурных и эстетических решений с религиозными традициями и существенно расширить базу для последующих исследований. На основе рисованных планов, содержащих данные о размерах основных и поэтажных частей храмов, можно восстановить масштабные планы дацанов. Примечательно, что автору дневника присуще подробное описание объекта его исследований, так, характеристика дацана начинается с первых ступеней крыльца, затем идет поэтажная обрисовка. Каждый этаж описывает с севера, юга, востока и запада (количество окон, надписи с комментариями и т.д.). Пример описания помещения «Пол деревянный, некрашенный. На нем поставлены поперек храма 14 рядов деревянных низких сидений для богослужений лам. Длина каждого сидения равна 4 саж., шир. равна $\frac{3}{4}$ арш., высота 6 вершков - весьма простой работы. Сверху их устланы ковры китайского производства. Крайние два ряда си-

дений поставлены у самых стен. Между рядами сидений образуются узкие пространства, по которому можно ходить» (с. 27).

Особое внимание Б. Барадин уделял расположению танков, их описанию и оценке, что, безусловно, представляют уникальный материал для изучения различных вопросов по богатейшему духовному и культурному наследию бурятского народа, что позволит обогатить наши познания сведениями не только об иконописной школе бурятских зодчих. Кроме того, неопубликованные архивные документы Б. Барадина, несомненно, являются важным источником для исследования истории, религии, этнографии бурят, вместе с тем характеризуют роль ученого в развитии исторической науки.

При подготовке рукописных записей дневника Б. Барадина к публикации придерживались принципа максимального сохранения текста записей без изменений, передачи стилистических особенностей и фразеологических оборотов автора. К примеру, написание и согласование слова «статуя» (в современном правописании) оставлены без изменений, как принято у автора – «статуй». В тех случаях, когда пунктуация не выполняет присущую смысловозначительную функцию, пришлось прибегнуть к расстановке знаков препинания в соответствии с общепринятыми правилами русского языка, чтобы избежать громоздких предложений. Унифицированы те слова, которые в рукописи Б. Барадина писались по-разному («санид» - «цаннид», «цанид»; «рзказали» - «рассказали», «распрашивал» - «разспрашивал»; «Лама» - «лама», «писанный» - «писаный» и т.д.). При перепечатке дневника многие слова, записанные автором рукописи в сокращенном виде, отражены полностью и заключены в квадратные скобки, кроме того, в подобные скобки вставлены опущенные предлоги («в», «на», «к», «с» и др.) и отдельные, явно направленные по смыслу, слова. В отдельных местах, крайне редко, согласование родов – женского, мужского, среднего – исправлено на правильную форму (к примеру, вм. «происходило репетиция» - «происходила репетиция»; вм. «порешили» - «решили»). В угловых скобках <...> дана пагинация дневника по оригиналу. В дневниковых записях ученого немало

вкраплений бурятских слов, значение которых объяснены в комментариях. Особые затруднения были связаны с тибетской скорописью, в прочтении которой неоценима помощь моего друга д.и.н. Андрея Михайловича Донца.

**ДНЕВНИК ПОЕЗДКИ, СОВЕРШЕННОЙ ЛЕТОМ 1903 Г. ВОЛЬНО-
СЛУШАТЕЛЕМ С[АНКТ]-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Б. БАРАДИНЫМ В ЗАБАЙКАЛЬСКУЮ ОБЛАСТЬ ПО ПОРУЧЕ-
НИЮ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК ДЛЯ СОБИРАНИЯ
МАТЕРИАЛА ПО БУДДИЙСКОЙ ИКОНОГРАФИИ¹**

ГУСИНООЗЕРСКИЙ ДАЦАН²

5 июля

<1> Выехав из дома 1 июля, прибыл я с товарищем Жамцарано³ по железной дороге в г. Верхнеудинск 3-го числа. Отсюда на лошадях, сделав 160 верст⁴, добрался до Гусиноозерского дацана⁵ 5 июля к 12 часам дня. Так как я не был близко знаком с Хамбо Ламой⁶, то не решился с первого же раза заехать к нему на квартиру, а остановился в так называемой «квартире для высокопоставленных лиц».

<2> Нас встретили несколько лам, один штатный лама и остальные – прислужники, постоянно находящиеся в этой квартире. Оставив здесь свои вещи, тотчас же отправились представиться к Хамбе Ламе. Нам указали квартиру Хамбы на несколько маленьких деревянных домов внутри ограды. Эти дома по своей простоте наружности ничем не отличались от остальных домов монахов. Мы вошли в один из этих маленьких домов, в коем пребывал обыкновенно сам Хамба Лама. Войдя в его комнату, мы по обычаю буддистов как главе нашего буддийского духовенства и как бикшу⁷ сделали ему троекратное земное поклонение и подошли под его благословение. Получив от него благословение посредством прикладывания на голову тибетской книги, отступили несколько назад, вынули по хадаку⁸ и приветствовали его.

Он был очень рад нашим приездом, и сказал нам, почему мы сразу не остановились в его собственной квартире, и тотчас же велел своим ученикам принести наши вещи в один из своих домов. Мы были немного удивлены простотою внутренней обстановки его квартиры. Провели у него около часу времени в беседах о том, о сем.

Ему рассказали о своих целях посещения этого дацана. Получив от него некоторые предварительные сведения о здешних зурчинах⁹, которыми здесь, кстати сказать, не особенно славится, вышли из его комнаты для отдыха с дороги в отведенной нам <4> особой комнате. Пролежав около двух часов, когда уже был вечер,

отравились обозреть здешние храмы, иконы и проч[ее]. При нашем обозревании происходило под открытым небом около главного дацана репетиция Цама¹⁰, который ежегодно происходит 15 числа монгольского последн[его] летнего месяца.

В репетиции принимали участие около 50 человек взрослых и малых. Кроме этих 50 человек еще сидели в два или три ряда человек около 20. Они были репетиторами Цама. Участники репетиции, будучи без масок божеств, исполняли перед репетиторами под такт их священных плясовых пений, звуков бубен, цимвалов¹¹ и различных духовых инструментов <5> различного рода священных плясок. Они образовали круг кольцом по одному или то ряды по два, плясали вкруговую сначала медленно постепенно увеличивая скорость до невозможной быстроты, при этом делая различные движения телом и манипуляции, изображая собою различных божеств, так, напр[имер], между ними можно было отличить 21 Дары¹² их грациозными движениями.

Эти упражнения делали для предстоящего Цама сего месяца. Мы, просидев до конца репетиции, которая кончилась на закате солнца, вернулись на свою квартиру.

Этот дацан находится на юго-западном берегу Гусиного озера, в Селенгинском уезде, Забайк[альской] области, в местности не особенно привлекательной и чрезвычайно каменистой.

<6> Он находится почти на ровной местности, только кругом видны высокие горы. Этот дацан, основанный [в] 1758 году, считается резиденцией главного Пандидо-Хамбо Ламы Ламайского духовенства В[осточной] Сибири. Тем не менее, он не выдается ничем от остальных дацанов Забайкалья, хотя здесь русским правительством признается цанитская школа¹³. За школу приготовления хуварак в штатные ламы. Лам, здесь постоянно живущих, около 500 человек, а всех же с теми, которые наполовину живут в степях, - простирается до 900 человек.

Здешние храмы суть: Сокченский¹⁴, Цанитский¹⁵, Жудский¹⁶, медицинский¹⁷ и Калачакры¹⁸ (порядок по главенству). Цанит проходят, как почти во всех монастырях Забайкалья по учебникам и

толкованиям <7> Жамьян Шадбы¹⁹. Жуд основан по Гумбумскому образцу. Домов около 300.

6 июля

Сегодня день совсем пасмурный и дождливый, потому отложив работу аппаратом до следующего дня, решился впервые иметь дела с здешними зурачинами. Меня проводил ученик Хамбы один хуварак, аларец, недавно приехавший изучать медицину, [к] одному молодому человеку по имени Цырен Чернинов, духовное звание которого был гэбши²⁰ *dge bshes*, который начал писать иконы с прошлого года. Я расспрашивал у него об интересующих меня вопросах иконографии и смотрел его работы. Он очень охотно делал мне объяснения на разные вопросы <8> по иконографии, какие ему были известны. Его застал за обедом, он обедал после своей работы по иконописи. Вокруг него были расставлены на маленьких и низеньких столиках (тапсан) множество китайск[их] фарфоровых чашечек с разведенными в них красками разных цветов и каменными пестиками для натирания красок. Около него на стене висел образ Оточи²¹ начатой работы. Материя, на которой был этот образ, была обтянута в четырехугольной деревянной рамке ниткою. После своих расспросов я вошел с ним в другой его домик, где была также начатая работа Манджушри²² большого размера около 2 арш[ин] высотой. Посмотрев эту работу, я просил его на завтрашний день позволить мне его снять <9> за работой, на что он согласился.

Отсюда я направился [к] барчину, т. е. ксилографисту, печатающему книг[и] с деревянных досок, [к] одному старику для заказа напечатать несколько тибетских книг и для получения сведений, какие здесь книги, образа и т.д. в вырезанных деревянных досках. Оказалось, здесь очень бедны такими произведениями печати, есть только значительное количество разных образов *srung* // *chor*²³, защитительных мандал. Затем пошел [к] одному старику ламе Ринчин Цыренжапову, делающему статуи глиняными штампами. Расспросил его о технике штампования статуй и пригото-

ления штамп и т. д., о чем я буду говорить в другом месте. Получив у него согласие снять его на следующий день вместе с штампами и статуями его работ, вернулся <10> к себе на квартиру. Замечу одно, все, которые пришли с любопытством и даже с подозрительностью видения человека с аппаратом и присутствовали при моих расспросах, с какой целью я сюда приехал и расспрашиваю подобные вопросы. Когда я на их любопытства отвечал прямо, что в моих целях ничего не скрывается что-либо могущий служить нам, бурятам, во вред, потому что в Петербурге, царском нашем городе, живут высоко ученые и добрые люди, которые искренно уважают и любят нашу веру и желают нам, бурятам, добра, и вот они меня послали, чтоб я расспрашивал и разузнал со сведущих наших лиц, в каком положении находится вообще наша вера в Забайкалье и в частности как пишут и приготавливают иконы наши, и вообще все предметы буддийского культа. Они оставались моими объяснениями весьма <11> довольными и убежденными в моей искренности объяснения, и очень удивлялись, что каким образом среди русских могли находиться люди, любящие нашу религию, и это обстоятельство возбуждало любопытство и оживленные разговоры между ними.

Из уст здешних лам я слышал, что здесь вообще не славятся особенно зурачинами. Здесь были два три человека, считающие более или менее зурачинами, отсутствовали в дацане. Поэтому с ними мне не пришлось видеться.

Сегодня, когда настала темнота, закрыв ставни, я стал заряжать кассеты и готовиться к предстоящей завтрашней работе [с] аппаратом. Окончив все свои приготовления к завтрашнему дню, к которому я хотел всецело отдаться фотографированием здешних икон, ложился спать в 2 часа|| ночи.

7 июля

<12> Сегодня, как я решил, всецело работал аппаратом. Снял икон и молодого зурачина Цырен Доржи Чернинова, застав его за работой, он рисовал на большой обтянутой в 4 кв. арш[ина]²⁴ по-

60 1 374

лотне Манжушри. Между прочим, я сделал с него некоторые дополнительные расспросы. На вопрос: делают ли зурачины какие-либо заимствования по искусству зурака от русских, он ответил, что до сих пор ничего не приходилось заимствовать, но слышал, что у русских есть удивительные средства как в технике, так и в искусстве зурака.

8 июля

Сегодня мы решили выехать из дацана, так как здесь материалов более или менее было исчерпано. Еще раз перед отъездом был в храме для <13> тщательного обзора и расспросов об иконах; но не нашел ничего нового для себя, только казалось мне немного странным присутствие одного изображения особого вида Хаягривы²⁵, так называемого (*rta mgrin yangs gsang*²⁶), которого почти не чтут последователи Зонхавы²⁷, а чтут, главным образом, последователи красношапочной секты и Бадма Самбавы²⁸. Я не мог добиться объяснений с лам о присутствии этого бурхана. Некоторые из лам говорили мне, что этот бурхан, наверно, старого времени периода распространения здесь буддизма и привезена, наверно, тангутами какой-нибудь незонхавинской секты и случайно здесь до сих пор находится.

Вообще я должен сказать, что Гусиноозерский дацан, хотя считается резиденцией Главного Ламы буддистов В[осточной] Сибири наряду с прочими дацанами <14> занимает второстепенное место как по учености, многочисленности духовенства и т. д.

Дацан в округности будет около 4 верст, домов приблизительно 300, жителей приблизительно 800 человек. Дацан вообще имеет очень много монгольского характера в противоположность от некоторых монастырей Забайкалья, которые имеют характер тибетских монастырей. Так напр[имер], здесь нет так называемое "Шабхи Хубсусун"²⁹, т.е. форма индусско-тибетского духовного ученического одеяния, которое составляет характерное отличие монахов тибетских монастырей, от монахов монгольских монастырей. Здесь, несмотря на энергичное старание передовых лам о сформирова-

ровании в “Шаби Хубсусун”, придер<15>живаются той традиции одевания халата, которой придерживаются все монастыри Монголии, особенно Халхасские монголы во главе Ургинского Хутухты³⁰.

В заключение я должен сказать, что мое начало занятий именно с Гусиноозерского дацана было для меня весьма выгодно потому, что Хамбо Лама, будучи просвещеннейшим человеком, всегда относящийся ко всем приезжающим с научной целью с большим вниманием и оказывает всевозможные содействия, относился также и по отношению ко мне.

Он по приезде нашем любезно отвел особую комнату и предоставил нам все удобства, и в продолжение трех суток мы жили у него как желанные гости. Он снабдил меня предписанием ширетугам³¹ <16> тех дацанов, которые я имел в виду посетить, об оказании мне всевозможных содействий. Давал мне разные советы и т. д., так что, если бы я начал свои занятия, не повидавшись с Хамбо Ламой, я сделал бы большую ошибку.

Так как еще было рано, и я еще не закончил свои расспросы с Зурачина Цырен Чернинова, то я пошел сначала писарю Хамбы г. Бато Ирдынееву. Последний передал мне следующее. Сначала [в] 1758 г. был построен во время Хамбы Жимба Агалдаева³² деревянный дацан. Строители были буряты и точно неизвестно, кто были мастера, но известно одно, что они были буряты, а не русские. Построен был на средства прихожан. Затем [в] 1856 г. был построен нынешний дацан, корпус коего каменный, а верхняя половина деревянная.

<17> Мастера были местные буряты под руководством русского мастера Воронина, мещанина г. Селенгинска.

Зурачин, молодой Лама гэбши Цырен Чернинов, подгородного рода³³, 28 лет, учился писать иконы на месте и начал только 2 г[ода] тому назад. Он передает, что специальные школы для зурачинов не существуют, но большинство получают сведения о технике зурака из Урги, что славится знатоками зурацкого дела, он сам учился рисовать самоучкой, копированием образцов икон.

Краски покупают здешние зурачины в русских городах, как то: в г. Верхнеудинске и т.д.

Инструменты: 1. Кисть из хвоста хорька, соболя, сурка или зверька будун кузун³⁴ (бурятск. назв.); 2 чашки фарфоровые для натирания красок с пестиком каменным, фарфоровым или деревянным. Больше всего употребляется каменный пестик. Употребляют трафареты и иногда <18> циркули. Краски втирают вместе с водою и клеем. Золото употребляют китайское в листах, которые втираются в порошок.

Приготавливают белое полотно для писания на нем иконы следующ[им] образом: бязь, коленкор, зон (бурятск[ое] назв[ание]) и т.п. Материю обтягивают сначала в четырехугольной деревянной раме. Затем намазывают таким образом приготовленную материю составом из мелко истолченной мелки, воды, крупчатой муки и клея, дают высохнуть, после чего полируется шероховатость полотна гладким каменным пестиком или бруском. Затем употребляют трафареты: всыпают на вставленный трафарет пылистую краску хондо, которую придавливают чем-нибудь к трафарету, чтоб проникала краска через тонкие щели трафа<19>рета, оставляя тем самым красную линию. Затем удаляют трафарет и по красной линии наводят карандашом или чернилой линию, после чего уничтожают легко опыленную красную линию и начинают писать икону, сначала главные детали, и постепенно увеличивая подробность детали. После окончания рисования краскою пишут золотом, смешанным с клеем (золото всегда китайское в листьях), которое втирается вместе с водою и клеем. Доза клея измеряется тем, что если слишком много, то по высыхании растрескивается, а если же слишком мало, то краска пристаёт к пальцу.

Зурачины славятся в Лхасе, Лавране, Гумбуме, Урге, Пекине и Долон-Норе. Не знает о существовании где-либо <20> специальных школ зурачинов, а лишь вероятно передают единичные лица друг другу свое искусство.

По его мнению, из всех работ китайская по своей тонкости исполнения наилучшая, а по качеству краски значительно уступает тибетской. По точности тик'а³⁵ тибетская работа лучше китайской.

Китайскую и тибетскую работы различают, главным образом, по бледности краски китайской работы и по хластичности и густоте тибетской. Также и по изукрашенности первой и простотой последней. Все тибетские работы по месту не различимы.

Здесь бурханов³⁶ не льют, а делают их из дерева кужи³⁷, сосны и др. мягких деревьев. Есть один лама Дамчой (*dam chos*³⁸), пожилой человек, который зани<21>мается подобным занятием, живет здесь, но принадлежит к инородцам Юройского дацана³⁹. Рисуют и вырезают еще на камнях и затем красят, но статуев не делают (на обыкновенных мягких камнях).

Из глины делают статуи руками (лепн[ая] работа). Глину смешивают с курительной свечой кужи, тибетской бумагой и клеем. Здесь есть один молодой Лама по имени Султим Жамцо, здешний уроженец, делающий глиняные статуи. Всеми этими лицами я не виделся, так как они были в степи. Здесь делают немного и глиняные штампы бурханов. Цырен Чернинов слышал, что существует главное руководство зурачинов книга под названием Тиг-за-шандел⁴⁰. Он вовсе не руководствовался этой книгой, а работает по образцам икон.

<22> Кисти и т. п. инструменты готовят больше все сами и отчасти покупают в китайских лавках.

После этих расспросов я, простившись с моим молодым гэбши зурачином Цырен Черниновым, направился Ринчину Цыренжапову, который готовит бурханов штампами своего изделия. Он мне передал следующее: он здешний житель, 58 лет, Лама, подгородного рода, Селенгинского уезда.

Нигде в Селенгинском уезде не льют статуев, только делают из дерева, напр[имер] здешний большой Майтрей⁴¹ (80 локтей) – сделан из дерева каким-то мастером из Монголии, при участии здешних бурят. Штампы и бурханы делают здесь только из глины. После этой краткой беседы я простился, <23> обещав ему выслать из Питера его карточку.

Мне передавали здесь, что Сансарын Хурдэ⁴² всегда изображается одинаково и не употребляется при объяснениях учения мирянам.

Когда я рассматривал еще раз храмы, то заметил, что по обеим сторонам внутри дверей Жудского дацана были снаружи 1) ▯ *phangs skyes bu*, 2) *spyam mi bzang*, 3) *rnam thossras*, 4) *yul ▯ khar bsrungs*⁴³, считая по порядку с правой стороны (западн.), а также находился *bskang rdres*⁴⁴, т.е. изображение на полотне различных животных и предметы жертвоприношения к Сакигусону⁴⁵. Внутри Жудского дацана вверху около дверей находится Сансарын Хурдэ. Таким образом, 4 локопало⁴⁶ находятся по обеим сторонам наружной двери, по 2 на каждой стороне Жудского дацана, <24> а в главном Сокченском дацане – внутри вверху по обеим сторонам средней двери (двери 3).

16 ставиров⁴⁷ в главном Сокченском дацане (статуи) были расставлены наряду с прочими статуями Главного алтаря на восточной крайней половине алтарной части, а в Жудском дацане видные писанные изображения 16 ставир с 4 локопалами вместе (всего 20), развешанными вдоль западн[ой] и восточной стенах.

Я не видел в наружной части никаких изображений, относящихся к догмате буддизма, кроме случая 4 локопал и *bskang rdzes*⁴⁸ в наружи Жудского дацана.

Главный алтарь Сокченского дацана Джо Сакья Муни⁴⁹ находится в середине ряда статуй, расставленных <25> вдоль всей северной стены, и он стоит как раз против средней из трех дверей. (Входная дверь в буддийских монастырях бывает всегда с южной стороны).

Статуи находятся только вдоль северной стены, а образа вдоль северн., восточн., западн. стен, и южную стену – обыкновенно занимают 4 локопало и Сансарын Хурдэ и очень редко находятся изображения бурханов.

Здесь все образа открыты, и нет таких образов, которые были бы открываемы только в известные времена.

Повсюду здесь я замечал, как в храмах, так и в частных домах, что наиболее почетное место занимают и распространены изображения Сакья Муни, Аюши⁵⁰, Абидо⁵¹, Саган и Ногон Дара Икэ⁵², Авалокита, <26> из докшитов Гухьясамаджа, Чакра Самвара, Ямантака, Калачакра, Махакала, Вадчачани⁵³, из лам – Зонхава⁵⁴ с

двумя учениками⁵⁵ и Жамьян Шадба и Бадма Самбава, и также прежние перерожденцы ургинского хутухты.

Тем временем приближалось время прихода ямщика, и действительно, когда мы были совсем готовы к отъезду и обедали в своей комнате, оживленно разговаривая с Хамбой на прощание, слышался вдали постепенно приближающийся к нам звон колокольных звонков, и через несколько минут колокольцы приостановились звонить, вошел в нашу комнату молодой бурят ямщик. Мы тотчас же поднялись на ноги и стали вытаскивать вещи. Хамбо дарил нам на прощание по одному хадаку. Наконец, сели на телегу. Тройка тронулась с места, и мы еще раз <27> оглянулись назад с поклоном к Хамбо Ламе и его ученикам, которые проводили нас до своих ворот. Мы расстались с Хамбо Ламой с самым теплым воспоминанием его искренней любезности и доброты.